

Детское чтение

Э. Т. А. Гофман

ЩЕЛКУНЧИК

Эрнст Теодор Амадей Гофман

ЩЕЛКУНЧИК

Сказка

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОДАРКИ

Шу-шу! Шур-шур! — таинственно доносилось из соседней комнаты. Фриц и Мари сидели в полутёмной спальне и прислушивались. До поры до времени им не разрешалось входить в гостиную, где, наверное, уже сверкала праздничными огоньками свечей рождественская ёлка. Мари, которой только-только исполнилось семь лет, всё спрашивала своего старшего брата:

— Ну когда же начнётся праздник?

— Потерпи, — солидно отвечал Фриц, хотя и сам дрожал от нетерпения.

А за стеной всё не умолкало это влекущее, таинственное шуршание, мелодичное постукивание крохотного молоточка, позвякивание каких-то дощечек и железок. И дети, затаив дыхание, прислушивались к доносившимся из гостиной звукам.

Накануне Рождества их крёстный Дроссельмейер мастерил для них какой-то особый подарок.

Тук-тук! Бам-бам! — разносилось по дому.

Ох уж этот крёстный Дроссельмейер! Станный он человек. Даже человек. Маленького роста, сухонький. Морщинки на лице сеточкой. На лысой, как блестящий шар, голове пышный, пудренный парик. А вместо правого глаза — чёрная, но совсем не страшная повязка.

И этот некрасивый маленький человек был большим искусником. Он умел делать всё, даже чинить часы. Стоило замереть маятнику или остановиться большой и маленькой стрелкам, этот волшебный мастер приступал к делу. Сняв сюртучок и повязавшись кожаным фартуком, крёстный Дроссельмейер вынимал из кармана коробочку с блестящими инструментами и принимался тыкать в часы шильцами и крутить шестерёнки отвёртками. Мари всегда жалела бедные часики, но они не обижались на мастера, а, наоборот, в благодарность за заботу начинали весело тикать.

Каждый раз, приходя к ним в дом, крёстный дарил детям необыкновенную игрушку. То крохотного кавалера-шаркуна с выпученными глазами, то коробочку-сюрприз, из которой со звоном выскакивает серебряная птичка. Интересно, что на этот раз мастерит, скинув жёлтый сюртучок и надев свой фартук, их затейник крёстный?

— Это, конечно же, будет крепость, — уверенно сказал Фриц. — И там будут маршировать

крохотные солдатики с ружьями и длинными саблями. Они будут выделять всякие штуки, а когда на крепость нападут враги, эти храбрецы встанут на защиту крепости, и начнётся настоящее сражение. Будут палить пушки, свистеть пули и звенеть сабли.

— Нет, нет! — Мари так сердито замотала головой, что аккуратные кудряшки запрыгали над ушами. — Крёстный рассказывал мне о чудесном саде. Там в большом круглом озере плавают белоснежные лебеди с красными клювами. Шеи их повязаны золотыми ленточками. А маленькая девочка кормит их шоколадными конфетками.

— А вот и неправда! — захихикал Фриц. — Лебеди не едят шоколад. А крёстный, даже он, не сможет сделать целый сад да ещё с прудом.

Между тем стемнело. Дети затихли и, прижавшись друг к другу, прислушивались к звукам из гостиной. А там! Там в этот момент родители расставляют на отдельном столике под ёлкой множество чудесных подарков. Сейчас, сейчас распахнутся двери, и...

Динь-динь-дилинь! — пролепетал серебряный колокольчик. Можно! Фриц и Мари сорвались с места и кинулись в гостиную. Ах! Посреди комнаты, окутанная сияющей музыкой света, высилась великолепная ёлка. Пушистые ветки увешаны золотыми и серебряными яблоками, гроздьями обсахаренных орешков, конфет, облитых разноцветной глазурью пряников. В зелёной тьме хвои, как звёздочки в ночном небе, мерцали и переливались, озаряя комнату, сотни маленьких свечек. Но самое главное — рождественские подарки!

Нарядные куклы с фарфоровыми личиками и горка игрушечной посуды для восхищённой Мари. А ещё праздничное шёлковое платье, в оборках и цветных лентах! И ей наверняка, непременно позволят надеть его! Фриц тем временем верхом на гнедом деревянном коне галопом объезжал стол, на котором застыл в ожидании полководца эскадрон гусар в великолепных шитых золотом красных мундирах с серебряными сабельками наголо.

Дети не знали, за что хвататься, то ли играть с куклами и барабанщиками, то ли листать чудесные книжки с разноцветными, будто живыми, картинками. Но тут снова зазвонил колокольчик. Настал черёд подарку крёстного Дроссельмейера.

Раздвинулась маленькая ширма, и на покрытом зелёным сукном столике, как на лужайке, вырос перед детьми замок. Заиграла музыка. Распахнулись зеркальные окошки, зажгётся свет в золотых башенках.

И тут все увидели, что по залам замка парами гуляют крошечные кавалеры в белых чулках и камзолах и дамы в шляпах с перьями и платьях со шлейфами. В малюсеньких, с напёрсток, серебряных люстрах сияют спиченки свечек, и под музыку пляшут и прыгают дети в разноцветных курточках и панталончиках. А из окна выглядывает господин в изумрудно-зелёном плаще и приветливо кланяется Фрицу и Мари. Крёстный Дроссельмейер! Конечно же он. Только с мизинец ростом.

— Крёстный, пусти нас к себе в замок! — вскричал Фриц.

Но изумрудно-зелёный человечек ничего не ответил, а спрятался в окне. Впрочем, тут же показался снова и приветливо поклонился. И опять исчез. И вновь появился. И дамы с кавалерами прохаживались всё так же кругами. И дети в замке топали ножками, как заведённые.

— Ну, — протянул Фриц, — это скучно! — И он занялся своими солдатиками.

Зато Мари вдруг присела на корточки перед ёлкой. Она увидела странного деревянного

человечка, скромно стоявшего под разлапистой пушистой веткой. Не очень-то складный был этот человечек.

Чересчур громоздкое туловище на тонких ножках и великоватая голова с тяжёлой челюстью. Но зато одет человечек был вполне пристойно и даже щегольски. Фиолетовый гусарский мундир, весь в пуговичках, опушках и позументах, узкие рейтузы и сапоги со шпорами. Всё сидело на нём так ловко, будто было нарисовано. Из-под круглой плоской шапочки выпрастывались белые букли нитяного парика, а завитки шерстяных ниток — щеголеватые усики над алой губой — не скрывали добродушной улыбки, сверкавшей жемчужным рядом ровных, крепких зубов. Мари тут же полюбила человечка, который приветливо и дружелюбно поглядывал на неё.

— А этот милый человечек для кого? — воскликнула Мари.

— Для всех, — ответил отец. — Это Щелкунчик. Он, как и все его предки, отлично умеет разгрызать орехи.

Мари тут же схватила горсть орешков, и Щелкунчик, продолжая приветливо улыбаться, колочил их своими крепкими зубами.

Фриц, услышав, как весело щёлкают орешки в зубах Щелкунчика, на минуту оставил свой оловянный эскадрон и подошёл к столу. При виде забавного человечка с огромной челюстью мальчик расхохотался. Схватив самый большой и твёрдый орех, Фриц сунул его в рот Щелкунчику.

Крак!.. — обломились три зуба у бедного Щелкунчика, а тяжёлая челюсть беспомощно отвисла.

— Фу, глупый Щелкунчик! — вскричал Фриц. — То ли дело мои драгуны! Им никакое самое крепкое ядро не страшно!

И он снова вернулся к своим солдатикам. А Мари, вся в слезах, прижала к груди раненого Щелкунчика, подвязала ему больную челюсть белой ленточкой и заботливо укутала платком. Она раскрыла новую книжку с лаковыми цветными картинками и, баюкая бедного Щелкунчика, словно младенчика, принялась показывать ему картинки. Фриц только посмеивался, приговаривая, что глупая Мари нянчится с деревянным человечком, будто он малое дитя. Но девочка и не думала обращать внимание на эти насмешки.

— Щелкунчик, миленький, — шептала она, — не сердись на Фрица. Он добрый. Просто немного огрубел со своими оловянными солдатиками. А я буду тебя беречь и лечить. — И Мари продолжала нежно баюкать Щелкунчика.

А ночь, таинственная рождественская ночь уже подкрадывалась к дому, затягивала окна синим сумраком. Пора было убирать игрушки. В гостиной налево от двери стоял высокий стеклянный шкаф. На верхней полке, до которой детям было не дотянуться, расположились чудесные изделия крёстного Дроссельмейера. Ниже рядом теснились книжки в лаковых переплётках. На самой нижней полке Мари устраивала кукольную комнату, где жила любимая кукла Трудхен, а теперь и новая нарядная Клерхен. Фриц занял полку повыше и расставил строем своих конных и пеших солдат с барабанщиками, трубачами и знаменосцами.

— Дети, — сказала мама, — оставьте игрушки до завтрашнего утра. Гасите свет и отправляйтесь спать.

Фриц в последний раз глянул на свои войска, отдал честь капитану в синих драгунских рейтузах и приказал:

— Пора на покой! Завтра нам предстоит великое сражение.

С тем он и отправился в детскую. А Мари вдруг взмолилась:

— Мамочка, пожалуйста, позволь мне побыть со Щелкунчиком ещё пять минут. Я сама погашу свет и лягу спать.

— Хорошо, — согласилась мама, — только не задерживайся. У тебя уже глаза слипаются.

Впрочем, она на всякий случай погасила все свечи в комнате. Осталась только одна лампа, свисавшая с потолка. Мягкий свет, который лился от неё, не мог рассеять вечерний сумрак, таившийся по углам.

СРАЖЕНИЕ

Мари осталась одна в большой гостиной. Она положила Щелкунчика на стол, развязала платок и осмотрела его рану.

— Не расстраивайся, милый Щелкунчик, — ласково произнесла она, — крёстный Дроссельмейер непременно вылечит тебя. У него есть замечательные молоточки, ладные щипчики и крохотные отвёртки. А теперь я уложу тебя в мягкую кроватку моей куклы Клерхен.
— И Мари обратилась к пухлой, краснощёкой кукле: — Дорогая, не могли бы вы на эту ночь уступить свою кровать больному Щелкунчику?

Но кукла, обиженно надув щёки, молчала.

— Ладно, — согласилась Мари, — может быть, Щелкунчику и впрямь будет удобнее на верхней полке в походной палатке солдат Фрица.

Она поставила Щелкунчика на верхнюю полку и уже собиралась идти в спальню, как вдруг отовсюду — из-за шкафа и стульев, из-под стола и из-за кафельной печи, из каждого темного угла — о-ох! — стали разлетаться, подкрадываться тихие-тихие шорохи, шёпоты, шуршания и шебуршения. А настенные часы с маятником захрипели, засипели, готовясь пробить полночь.

Ти-ик! Та-ак! — медленно, с трудом, словно полусонный, качался маятник.

Большая механическая сова с крючковатым носом и круглыми, как зелёные блюдца, глазами вдруг расправила крылья и медленно, как заведённая, стала поворачивать голову слева направо и справа налево. Клюв её раскрылся, и Мари явственно различила хриплый голос:

— Тише! Тише!

Слышишь? Слышишь?

Из угла ночной гостиной

К нам ползёт король мышиный...

И часов старинных бой

Нас зовёт на смертный бой...

Бом-м! Бом-м!.. — двенадцать раз ударили в тишину часы.

И тут же за стеной, по углам, под полом слышались писк, возня и дробный топоток тысячи крохотных лапок. Острыми огоньками засветились тысячи глазок-буравчиков. И отовсюду стали сбегаться несметные полчища мышей.

Они выстроились в боевом порядке прямо перед Мари и замерли.

И треснул, приподнялся пол посреди гостиной, разбрасывая звонкие янтарные половицы. Из-под пола с отвратительным шипением вылезли семь мышиных голов в сверкающих коронах, а следом и толстое тельце, на котором и покачивались семь гадких мышиных головок. Всё мышиное войско со своим семиголовым предводителем стало надвигаться на Мари, прижавшуюся к шкафу.

Что-то будет?

Но тут — дзынь! — разбилась стеклянная дверца шкафа. Мари и не заметила, что сама локтем неуклюже ткнула в стекло и разбила его. Рукав её платья окрасился кровью. И тут зазвенел храбрый голосок:

— Вперёд! За мной! На бой! На бой! Вперёд на горе мышиной своре!

Сама собой вдруг завелась, заиграла музыкальная шкатулка. На этот раз мелодичные колокольчики играли не привычную песенку про милого Августина, а настоящий военный марш.

— Синие мундиры,

Сабли наголо.

Эй, командиры,

В седло, в седло! —

гремели уже не колокольчики, а звонкие литавры.

Тут Мари увидела, что внутренность шкафа осветилась. Во весь свой рост поднялся раненый Щелкунчик и взмахнул серебряной саблей.

— Трубач к трубачу станьте плечом к плечу! — крикнул он. — Эй, барабанщик, трубочист и паяцы, нечего бояться! Я поведу вас в бой за собой!

И встали с ним плечо к плечу три храбрых паяца, четыре трубочиста, два трубача, барабанщик и Панталоне со знаменем. Безрассудно-смелым прыжком перелетел Щелкунчик

на пол. Мягко шлёпнулись следом за ним бархатные паяцы и туго набитые опилками музыканты с трубочистами. Спорхнул с развевающимся, как крылья бабочки, знаменем Панталоне.

— Эгей, барабанщик! Бей тревогу! Зови подмогу! — звонко скомандовал Щелкунчик.

Грянула барабанная дробь. А Панталоне вдруг озорно подмигнул Щелкунчику и барабанщикам, сунул в рот два пальца и пронзительно свистнул.

Разом распахнулись обе дверцы шкафа. Загремели сапоги, забряцали сабли, заржали лошадки, и ровными шеренгами выступили солдатики Фрица. Кирасиры сверкали своими доспехами. Драгуны гарцевали, сидя в высоких сёдлах. Блестящие гусары лихо прищпоривали коней. А за кавалерией катили пушки усачи пушкари.

— По коням, кирасиры,

Сабли наголо!

Эй, командиры,

В седло, в седло! —

пел грозный солдатский хор.

Один за другим промаршировали полки перед Щелкунчиком с развевающимися знамёнами и барабанным боем.

— Труби атаку, трубачи! За мной, солдаты-силачи! — прогремел Щелкунчик.

И — бух-бах-тарарах! — грохнули пушки. Полетела в мышей россыпь сахарного драже. Бум-бум-турумбум! — ухнули тяжёлые орудия, посылая на мышинные полчища круглые пряничные бомбочки. Немало мышей полегло под градом снарядов. Сахарная пыль, словно белый дым, заслонила сражающихся.

Мари с трудом различала, что происходит. Но видела она, как всё новые и новые толпы мышей выползают изо всех щелей и норок. А в ушах стоял непрерывный грохот боя.

Др-дрр! — скакали по полу сахарные шарики драже.

Плямс! — шлёпались, рассыпаясь на кусочки, глазуревые пряники.

Цвинь-цвинь! — звенели сабли.

«У-виии! И-ии!» — пищали мыши.

И надо всем гремел голос полководца Щелкунчика:

— Смелей! Бей! Не жалеи!

Пушкари установили свои пушки на скамеечки для ног и палили с высоты, опустошая ряды мышей. Ноте всё напирала и напирала. И вот перевернулась скамеечка, покатались по полу пушки. Мышиные полчища потеснили гусар, кирасиров и драгун.

Рассеянная по комнате кавалерия спешно утекала в спасительный шкаф, оголяя правый фланг. Щелкунчик в растерянности огляделся. Нет, левый фланг его армии держался! Там сражались крохотные куколки-сюрпризы, вышедшие из шоколадных бомбочек. Кого только не было в этих пёстрых рядах!

Садовники и тирольцы.

Тунгусы и парикмахеры.

Мартышки и обезьяны.

Арлекины и купидоны.

Львы и тигры.

Под предводительством двух китайских императоров они сдерживали натиск мышинной армии, медленно отступая к нижней полке шкафа. Щелкунчик храбро врезался в мышинные ряды.

— Тревога! Тревога! Где ты, подмога? — в отчаянии призывал он.

На его зов из шкафа выскочили лишь несколько коричневых пряничных человечков в золотых шляпах. Но они были такими неумелыми бойцами, что тут же попали в окружение мышей. Одному отгрызли ногу, другого помяли, с третьего сбили шляпу. Большая опасность грозила смелому Щелкунчику, который даже не мог вспрыгнуть на нижнюю полку шкафа. Слишком уж коротки были его ножки, очень неповоротливо деревянное туловище. Ему бы сейчас коня!

— О, мой бедный Щелкунчик! — вскричала Мари.

Она стащила с левой ноги туфельку и с размаху швырнула её в самую гущу мышей, целясь в противного семиголового короля.

И всё в тот же миг исчезло! Голова у Мари закружилась, и она без чувств осела на пол...

РИС. 18

Очнулась Мари в своей постели. Сквозь занавеску светило яркое солнце.

— Наконец-то! — прошептала мама, в тревоге глядевшая на дочь.

— Скажи, милая мамочка, — слабым голосом спросила Мари, — Щелкунчик спасён? А противные мыши? Они убрались отсюда вместе со своим семиголовым королём?

— Ну вот, — расстроилась мама, — у тебя всё в голове перепуталось.

Как же я испугалась, когда вчера ночью нашла тебя на полу с порезанной рукой. Вокруг валялись солдатики Фрица, твои игрушки, растоптанные пряничные человечки. Ты крепко прижимала к груди Щелкунчика, а в углу валялась твоя туфелька.

— Но ведь в полночь разразилась великая битва! — не унималась Мари. — Мышиный король со своим войском напал на кукол и солдатиков. Он хотел утащить в своё сырое подземелье Щелкунчика. Я швырнула свою туфлю и разогнала мышинное войско. Где, где мой Щелкунчик?

Мама погладила Мари по головке и ласковым голосом успокоила:

— Не бойся, детка. Щелкунчик стоит в шкафу целый и невредимый. Тебе всё померещилось.

Несколько дней лежала Мари в кровати и глотала горькие таблетки. Но вот она поднялась и первым делом кинулась в гостиную к шкафу с игрушками. Щелкунчика там не было!

Мари в растерянности стояла перед стеклянными дверцами шкафа, не смея поверить своим глазам. Как вдруг позади неё кто-то произнёс скрипучим голосом:

— Ходит маятник упруго.

Стрелки бегают по кругу.

Тьму с собой приводит ночь.

День её прогонит прочь.

Это сова, сидевшая на часах в гостиной, снова завела свою механическую песенку. Мари вздрогнула и оглянулась. Перед нею стоял крёстный Дроссельмейер.

— Не сердись, Мари, что я не прогнал мышиноного короля, не растоптал полчища злых мышей. Не поспел. Зато... Гляди!

И он вынул из кармана Щелкунчика! Искусной рукой крёстный Дроссельмейер починил сломанную челюсть деревянного человечка и снова вставил три сломанных зуба.

— А где его сабля? — спросил вбежавший в комнату Фриц.

— Я вылечил Щелкунчика, — проворчал крёстный. — А уж саблю пусть сам добывает в бою. Так же, как сумел расколоть орех Кракатук!

— Какой орех? — насторожилась Мари. — Расскажи, сейчас же расскажи, крёстный.

У Фрица тоже загорелись любопытством глаза.

— Пожалуйста, не тяни, крёстный, рассказывай, — попросил он.

— Хорошо, — сказал крёстный Дроссельмейер, усаживаясь поудобнее, — слушайте.

И вот какую сказку поведал он Фрицу и Мари.

СКАЗКА О КРЕПКОМ ОРЕХЕ

У короля и королевы родилась дочь — малютка Пирлипат. Никогда ещё мир не видел такой прекрасной принцессы. Она вся была словно бы соткана из тончайшего розового шёлка, глазки — лазурнее чистого неба, а кудри отливали золотом раннего восхода. У её колыбельки

каждую ночь сидели шесть нянек, и у каждой на коленях лежала кошка. Нянюшки гладили кошек по шелковистой шёрстке, и те тихо мурлыкали, убаюкивая малышку принцессу. Так и росла принцесса в холе и неге. Все обожали Пирлипат и с каждым днём обнаруживали в ней тонкую душу, доброе сердце и ясный ум.

Однажды король решил задать небывалый Колбасный пир.

— Дорогая, — молвил он королеве, — надеюсь, ты знаешь, какая колбаса мне по вкусу? Позаботься. — И глазки его масляно загорелись.

И вот съехались ко двору короли да принцы из окрестных столиц.

Королева повязала шитый серебром и золотом кухонный передник и самолично занялась приготовлением особой — королевской свиной колбасы. На кухню доставили золотые котлы, серебряные кастрюли, острейшие стальные ножи, закалённые на белом огне. Печь растапливали особенными дровами сандалового дерева, от которых шёл самый ароматный дым на свете. Королеве помогали стряпать тридцать три повара в белых колпаках, вокруг суежилась сотня шустрых поварят, а неумолимый истопник без конца подбрасывал в печь ароматные поленца. Первым делом нарезали ломтиками розовое сало и стали поджаривать, подрумянивать его на золотой сковороде.

И вдруг из подпола послышался тоненький голосок:

— Дай и мне сальца, сестрица! Я тоже не прочь подкрепиться.

Королева сразу узнала противный голос Мышильды, королевы мышей. Та давно уже обитала во дворце и даже обосновала в одной из кладовок столицу своей страны Мышляндии. В другой день королева и не подумала бы подкармливать нахальную Мышильду, но сегодня торжество — знатный пир, и она кинула Мышильде кусочек сальца.

Не успела королева и ахнуть, как налетели мышинные сыновья и племянники, облепили кухонный стол и вмиг расхватали всё сало. Но поздно было поджаривать новую порцию. Пришлось приготовить свиную колбасу без единого кусочка сала.

И грянул пир!

Тру-ру-ру! — загудели трубы.

Дум-дум-дум-м! — загремели литавры, созывая гостей.

Король первым испробовал ещё тёплую, источающую чудесный запах свиную колбасу. Он положил на язык розовый ломтик, закатил глаза в предвкушении удовольствия и вдруг ахнул, откинулся на троне и горько зарыдал. Неужто заболел? Умирает? Послали за Придворным лекарем. Но король слабо махнул рукой, открыл глаза и скорбно простонал:

— В колбасе нет сала! Куда оно пропало?

Пришлось королеве во всём признаться. Вознегодовал король и призвал Придворного чародея и чудодея Христиана-Элиаса Дроссельмейера, приказав ему срочно изгнать из дворца Мышильду и всё её прожорливое семейство.

— Не позволю ей впредь пожирать, когда вздумается, моё сало! — буйствовал король. — Я не только изгоню её из дворца, но и прикажу отобрать все её владения, запасы и припасы! Судить негодное семейство по всей строгости закона!

И он тут же написал закон «ОБ ИЗГНАНИИ МЫШЕЙ НАВЕЧНО И БЕЗ ПОМИЛОВАНИЯ».

Закон этот вручили чародею и чудодею Дроссельмейеру, и он приступил к делу.

Недолго думал чародей. Он смастерил сотню хитрых машинок-ловушек с привязанными внутри кусочками жареного, пахучего сала. Хитрющая, умудрённая опытом Мышильда, конечно же, никогда не попалась бы на эту уловку. Она и всех остальных пыталась предупредить. Однако жареное сало так вкусно пахло, что на хитрость Дроссельмейера попались многие сыновья и кумовья, дяди и племянники мерзкой Мышильды. И тогда поклялась она жестоко отомстить.

Однажды, когда королева готовила для короля гусиный паштет, откуда-то из щели в полу выскользнула Мышильда и пропищала:

— Вы убили моих родичей. Ужасной смертью погибли некоторые из моих сыновей, любимые тётушки, незабвенные дядюшки, племянницы и племянники. Я, королева мышей, тоже не останусь в долгу. Берегись, королева, как бы я не загрызла принцессу Пирлипат!

И не успела королева опомниться, как Мышильда исчезла.

Обеспокоенная королева приказала охранять принцессу день и ночь. Перед дверью поставили громадных стражников. У колыбельки ежечасно сменялись сиделки и няньки, которым строго-настрого было наказано ни на секунду не смыкать глаз. А в самой детской поселили кота. Правда, он был так жирен и ленив, что, забравшись на колени к нянюшке, посапывал и мурлыкал весь день и всю ночь напролёт.

Прошло время. Как-то вечером нянюшка задремала у колыбельки малютки Пирлипат. Вдруг сквозь дрему услышала она странный шорох. Открыла глаза и ахнула. Громадная мышь стояла на своих тонких паучьих ножках и тянулась усатой мордой к спящей принцессе. В ужасе завизжала нянюшка. Мышильда, а это, конечно же, была она, юркнула в тёмный угол и пропала. На шум прибежали король и королева. Глянули они в колыбельку и обмерли. Вместо прекрасной малютки принцессы там лежала жалкая уродина. На сморщенном сером тельце еле держалась большущая сплюснутая голова с выпученными глазищами и растянутым до ушей безобразным ртом.

Но, странное дело, принцесса вдруг пристрастилась к орехам. Она хныкала до тех пор, пока нянюшка не насыпала ей в колыбельку горсть орехов. Пирлипат тут же умолкала и принималась щёлкать орешки своими крепкими зубками.

А король снова призвал Придворного чародея и чудодея Христиана-Элиаса Дроссельмейера и повелел ему вернуть принцессе былую красоту.

— Не выполнишь моего приказа, — грозно нахмурился король, — не сносить тебе головы: я прикажу палачу снести её!

Чародей, не теряя ни минуты, отправился к Придворному звездочёту. Тот поглядел на звёзды, полистал старинные книги и составил звёздный гороскоп принцессы Пирлипат.

И открылось, что спасёт принцессу неведомый орех Кракатук. Оказывается, неспроста полюбила принцесса орешки! А Звездочёт сказал, что стоит лишь расколоть Кракатук и дать ядрышко малютке, как она снова станет прекрасной. Только скорлупа того ореха такая твёрдая, что и под тяжеленным молотом кузнеца он не расколется. Но есть где-то на свете юноша, который в силах разгрызть орех.

Радостный прибежал к королю Дроссельмейер. А как же не радоваться, если он, кажется, спас свою голову!

— Ваше величество! — крикнул он с порога. — Мы сумеем вылечить принцессу и вернуть ей утраченную красоту. Надо только разыскать орех Кракатук и юношу, способного разгрызть его!

— Чудесно! — обрадовался король. — Поскорей веди сюда твоего юного щелкунчика! И я немедленно прикажу выдать тебе новый камзол и четыре самых главных ордена королевства!

Но в том-то и штука, что ни ореха, ни юноши не было. И снова под угрозой оказалась голова несчастного чародея.

Недолго думая отправились на поиски чудодей Дроссельмейер и Звездочёт.

Пятнадцать лет странствовали они по свету. Где только им не пришлось побывать! Плутали они в непроходимых джунглях, пересекали знойные пустыни, переплывали глубокие реки и одолевали безбрежные моря. Были они в Миндальном царстве. Навестили короля Финика. Напросились в гости к принцессе Фисташке. Побывали у грозного короля Арахиса. Заглянули даже в город Белок. Но нигде не могли отыскать ореха Кракатук и юноши-щелкунчика.

Обогнули они земной шар и наконец вернулись в родной город чародея Дроссельмейера Нюрнберг. Жил в том городе игрушечный мастер, лакировщик и позолотчик Кристоф-Захариус Дроссельмейер, двоюродный брат нашего чародея.

Послушал он печальную историю малютки Пирлипат и покачал головой:

— Вот так штука! — А потом призадумался и воскликнул: — Есть орех Кракатук! Слушайте. Как-то раз мимо моей мастерской проходил сборщик орехов. Мешок его прохудился, и на землю высыпалась горка отборных орехов. В этот момент проезжала тяжело гружённая телега. Проехалась она колёсами по орехам и всё передавила. Но стоило ей наткнуться на откатившийся в сторону один орешек, как громко кракнуло колесо, телега перевернулась. А орешек тот лежал себе на земле невредимый. Настоящий Кракатук!

Я подобрал его. И недаром. Приходил ко мне некий чужеземец, предлагавший много золота за один тот странный орешек. Не продал я его и теперь не жалею.

Он вынул из шкафа небольшую шкатулку, открыл её и показал гостям крупный золочёный орех, завернутый в серебряную бумажку. Игрушечный мастер развернул бумажку, потёр золочёный бок ореха, и вдруг открылись сияющие буквы — Кра-ка-тук!

Радости путешественников не было границ. Но чародей и чудодей Дроссельмейер вдруг пригорюнились.

— Орех Кракатук есть, но где отыскать того юношу, что в силах его разгрызть? Неужто нам блуждать по свету ещё пятнадцать лет и в конце концов лишиться головы?

И снова воскликнул игрушечный мастер:

— Есть такой юноша! Мой племянник. Зубы у него первойшей крепости!

— Ну, это нетрудно проверить, — сказал Звездочёт и принялся составлять гороскоп крепкозубого племянника.

Все звёзды и планеты сошлись, как положено, и решили призвать юношу. Явился писанный красавец в красном, шитом золотом кафтане, при шпаге, с косичкой на затылке и со шляпой в руке. А шляпа была полна крупных орехов. Юноша щёлкал их с такой лёгкостью, что

странное прозвище его — Красавчик Щелкунчик — было как нельзя кстати.

И вот Дроссельмейер и Звездочёт вместе с юношей Щелкунчиком прибыли в столицу своего королевства. Прослышали о крепком орешке окрестные принцы и собрались попытать счастья, да только зубы обломали.

— Не по зубам орешек! — шепелявили неудачники.

Расстроенный король велел объявить по всему королевству, что тому, кто раскусит орех и расколдует принцессу, он отдаст её в жёны и подарит полкоролевства в придачу. Однако не оказалось больше в королевстве смельчаков с целыми зубами. Зато у зубных врачей работы было невпроворот. И тогда явился к королю юноша Щелкунчик.

Он взял Кракатук, вежливо поклонился королю и королеве, улыбнулся уродине Пирлипат, дёрнул себя за косичку и — крак! — разгрыз небывалый орех. Только разлетелись в разные стороны золочёные скорлупки.

Поднёс он ядрышко принцессе, та съела его и тут же на глазах у изумлённого народа обернулась прежней прекрасной Пирлипат.

Громом грянули барабаны.

Зазвенели литавры.

Загудели трубы.

Потрясли стены дворца ликующие крики народа.

На шум выскочила из щели испуганная Мышильда. Тут-то и случилось непоправимое. Юноша Щелкунчик оступился и наступил на юркнущую под ноги мышь. И так же, как только что легко кракнул в его зубах орех, расплющилась под его ногой Мышильда. И раздался её предсмертный писк:

— Ах, тяжко мне под каблуком! Прощай, мой сын, прощай, мой дом! Увы, на смерть осуждена! Но буду я отомщена! Как только дух я испущу, тебя в урода превращу!

И, о, ужас! — прекрасный юноша в тот же миг превратился в крохотного уродца на тонких ножках. Нижняя челюсть отяжелела, и рот, усеянный длинным рядом крепчайших зубов, растянулся до ушей. А туловище словно бы одеревенело.

Глянула на него прекрасная принцесса Пирлипат и вскричала с отвращением:

— Убирайся вон, противный Щелкунчик! Не желаю быть женой урода!

С тех пор никто его не видел. Правда, добрый чародей Дроссельмейер уговорил Звездочёта вызнать у планет судьбу несчастного Щелкунчика. И тот предсказал, что Щелкунчик вернёт себе былую красоту и статность, когда победит семиголового сына Мышильды, срубит его головы собственной рукой. А кроме того, должна полюбить его прекрасная дева, которую не смутит и не испугает уродство несчастного Щелкунчика. И никто другой не сможет развеять злые чары. Зато, одолев мышиное воинство, он непременно станет королём.

Этими словами закончил крёстный Дроссельмейер свой грустный рассказ.

— Гадкая, гадкая принцесса Пирлипат! — воскликнула Мари.

— Ничего! — сказал Фриц. — Я верю, что храбрый Щелкунчик победит мышиного короля и

станет прежним молодцом с саблей на боку!

«А ведь и правда, — подумала Мари. — Победив в битве в мышинными полчищами, мой Щелкунчик уже стал королём в кукольном королевстве! То-то ещё будет!»

И она улыбнулась.

Но что же сам Щелкунчик? Мари подбежала к шкафу. За стеклянными дверцами неподвижно стояли куклы, сахарные человечки, солдатики. И Щелкунчик не шевельнулся, не откликнулся, как ни звала его Мари. Но то ли проехала по мощёной улице карета, то ли протопал в тяжёлых сапогах важный майор, вдруг задрезжали тонкими колокольчиками стёкла шкафа и словно бы издалека донеслись до Мари слова:

— Мари, не печалься. Осилю беду и принцем желанным к тебе я приду...

Мурашки пробежали по спине Мари, и было так приятно, будто погладили по головке. Она смутилась и убежала. Вечером Мари сидела на коленях у крёстного Дроссельмейера и рассказывала ему о битве с мышами, о храбрости Щелкунчика. Мама, слушая её, улыбалась, а крёстный был очень серьёзен.

— Милая Мари, — сказал он, — ты видишь больше, чем все мы, взрослые. Береги в себе это светлое царство, верь и станешь такой же прекрасной принцессой, как Пирлипат. Но не прогоняй Щелкунчика, а защити этого несчастного уродца от мерзкого мышинного короля. Только ты и можешь спасти Щелкунчика. Будь стойкой и преданной.

ПОБЕДА

Надолго запомнила странные речи крёстного маленькая Мари. И вот однажды лунной ночью девочка проснулась от непонятого дробного стука, будто кто-то высыпал из горсти на пол горошины. Она услышала мелкий топоток и противное попискивание. Мыши! Опять мыши! Мари онемела от страха.

И вдруг на столик рядом с её кроваткой вскочил мышиный король, сверкая острыми, жадными зубками, крохотными горошинами глаз и всеми семью золотыми коронами.

— Хи-хи-хи! — пропищал он. — Ты в моей власти! Отдай свои сласти! Сахарных куколок, сдобных барашков, леденцовых петушков и пряничных пастушков!

Задрожала от страха Мари, но не смогла и пошевелиться. А мышиный король с мерзким тоненьким смехом исчез в щели между полом и стеной. Наутро мама с удивлением обнаружила, что оборваны с ёлки конфеты и пряники, обгрызены острыми зубками.

— Неужто у нас завелись мыши? — ахнула мама.

Но Мари ничего не сказала о мышинном короле. Она втихомолку радовалась, что Щелкунчик остался цел и невредим. Вечером со слезами на глазах Мари вынула из шкафа своих сахарных куколок — пастушка с пастушкой, белоснежных барашков, белую собачонку, девушек в праздничных белых платьях на качелях. Пусть уж мерзкий мышиный король насытится сахарными человечками, лишь бы не трогал Щелкунчика.

Мари хорошо помнила сказку о крепком орехе и наверняка знала, что деревянный Щелкунчик на самом деле заколдованный юноша. Она с нежностью погладила ладошкой его раскрашенную деревянную голову. И вдруг почувствовала, как под её рукой дерево потеплело, на щеке Щелкунчика вспыхнул румянец. Девочка в испуге отёрнула руку, но тут же застыдилась и прошептала:

— Благородный господин Щелкунчик, я не дам вас в обиду.

И вдруг в ответ раздался тихий голосок Щелкунчика:

— Острую саблю прошу! Ею врага сокрушу!

Мари растерялась. Но тут на помощь пришёл Фриц. Он как раз отправил в отставку на дальнюю полку шкафа старого кирасирского полковника, который в боях потерял свою оловянную ногу и уже не мог сидеть на коне.

— Моему полковнику сабля уже не нужна, — сказал Фриц. — Пусть её забирает твой Щелкунчик. Он настоящий герой и ещё повоюет.

Так у Щелкунчика появилась отличная серебряная сабелька.

А в полночь снова послышалось поскрёбывание и писк.

— Мышиный король! — вскрикнула Мари, проснувшись.

Шкаф затрясся, закачался, а потом из-за стеклянной дверцы шкафа долетел тонкий голосок:

— Пощады нет тебе! Умри! — И следом — победный возглас: — Откройте дверь, мадемуазель Мари!

Мари со свечкой подбежала к шкафу и распахнула дверцу. Пред ней предстал Щелкунчик. На его серебряную сабельку были нанизаны все семь золотых корон мышиного короля. А Щелкунчик преклонил колени и провозгласил:

— Повержен дерзновенный враг. Он, мерзкий, превратился в прах, король мышей о семи головах! Не дожил он и до зари. А вас, прекрасная Мари, прошу без промедленья отправиться в мои владенья.

— С радостью, дорогой Щелкунчик! — ответила Мари, а потом глянула на часы и смущённо добавила: — Только ненадолго. Ведь ночь ещё не кончилась, а мне надо выспаться.

— Я поведу вас самой кратчайшей дорогой, — просто ответил Щелкунчик.

Он подал руку Мари, и они ступили на порожек платяного шкафа.

В ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЕ

Щелкунчик дёрнул за рукав отцовской лисьей шубы, мохнатой и пушистой, как рождественская ёлка, и оттуда тотчас опустилась лёгкая кедровая лесенка. Спустя мгновение Мари очутилась на лугу, сверкающем разноцветными камнями.

— Это Леденцовый луг, — пояснил Щелкунчик и направился к высоким воротам, сделанным, казалось, из коричневого мрамора с белыми прожилками.

Мари с удивлением обнаружила, что это вовсе и не мрамор, а вкрапленные в пряник изюм и миндаль. Сказочные ворота так и назывались — Изюмно-Миндальными. На блестящей, отделанной сахарной глазурью галерее сидели шесть обезьянок в красных камзолчиках и наигрывали нежную и тягучую, как сливочная тянучка, мелодию.

Мари и Щелкунчик вошли в ворота. Перед ними раскинулся чудесный сад. Искрилась тёмная листва. Поблескивали серебряные и золотые груши, яблоки, висели изумрудные грозди винограда. Стволы и ветви были оплетены цветными шёлковыми лентами и золотящейся мишурой. Потрескивали и плясали в тёмно-зелёной листве весёлые оранжевые огоньки факелов.

Щелкунчик ударил в ладоши.

В то же мгновение явились сверкающие сахарными блёстками пастухи и пастушки, трубачи и охотники, гусары и дамы. Откуда ни возьмись, перед Мари явилось золотое кресло, устланное белыми воздушными подушками, словно сделанными из самой нежной пастилы. Она опустилась в кресло, а Щелкунчик почтительно склонился позади.

И начался танец, лёгкий, как взмах бабочкиных крыльев, и стремительный, как стрекозиный полёт. Но танцоры кружили и кружили, повторяли одни и те же па, словно заведённые.

— Не скучно ли вам, прекрасная Мари? — спросил, извиняясь, Щелкунчик. — Простите наших танцоров. Ведь это всего-навсего кукольный балет. Заводные куколки, увы, умеют делать одно и то же.

— Что вы, что вы! — восторженно воскликнула Мари. — Они такие прелестные!

Она и впрямь готова была смотреть на танцы куколок ещё и ещё.

Но Щелкунчик уже увлекал её дальше, в глубь чудесной кукольной страны. Они медленно шли вдоль узкого ручейка. Его ароматные, благоуханные струи навевали прохладу.

Мари опустила руку в воду ручейка, и с её пальцев одна за другой стекли вязкие оранжевые капли.

— Это Апельсинный ручей, — пояснил Щелкунчик. — Зачерпните немного этой сладкой влаги. На вкус она не хуже апельсинового сока.

Мари с удовольствием напилась чудесной освежающей воды удивительного ручейка, а Щелкунчик уже вёл её вперёд.

— Вы ещё не видели Лимонной реки, — сказал он.

И вот послышалось тихое журчание и шипение волн. Ах, это прозрачный, зеленоватый лимонадный поток несётся между будто бы облитых шоколадом гладких камней! На берегу шипучей Лимонадной речки раскинулась Пряничная деревушка. Дома, церковь и даже амбары были крыты золочёными крышами, а коричневые стены расписаны чудными цукатными узорами.

Щелкунчик повёл Мари через просторные поля и извилистые речки к толстым и розовым, как пастила, стенам небольшого городка. Мари увидела, как с весёлым гомоном суетятся у нагруженных возов крохотные человечки в ярких, будто бы леденцовых кафтанах. Они

разгружали толстые шоколадные плитки и горы конфет в шуршащих обёртках. И Щелкунчик тут же объяснил, что это жители города Конфеттена получили дар от короля из соседней Шоколадной страны.

— Ах, как здесь прекрасно, милый господин Дроссельмейер! — воскликнула Мари.

Щелкунчик отвесил благодарный поклон и заторопился дальше. И вот они на берегу Розового озера. Оно окружено благоухающими кустами роз, и оттого вода кажется тоже нежно-розового цвета. Серебристо-белые лебеди скользят по зеркальной глади. Хрустальные рыбки искрятся в прозрачной воде. И в серебряных звуках струй Мари послышались вдруг звуки песенки:

Рукавом прозрачным вея,
Над водой порхает фея —
Фея ветра, фея вод.
Рыб жемчужных хоровод,
Волн воланы, веер брызг,
Мёдом пахнет тамариск.

Мари вгляделась в чистое зеркало воды и увидела круглое разругавшееся, будто сотканное из розовых лепестков девичье личико.

— Смотрите, милый Щелкунчик, дорогой господин Дроссельмейер! — радостно вскричала она. — Там принцесса Пирлипат! Она улыбается вам!

Но Щелкунчик покачал головой:

— Это не принцесса Пирлипат. Вы сами, ваше личико улыбается, отражённое в волнах Розового озера.

Мари сконфузилась и отвернулась. В ту же минуту явились арапчата с шоколадными лицами. Они легко подхватили Мари и в мгновение ока перенесли в просвеченный золотистыми лучами лес. Каждое дерево здесь было украшено леденцовыми гирляндами, на каждой ветке висели удивительные плоды, словно сделанные из цветного сахара. Алые огоньки вспыхивали на крохотных свечках. Чашечки подсвечников, в которых были утоплены свечи, сделаны были из золочёных половинок ореховой скорлупки.

— Рождественский лес! — обрадовалась Мари. — Ах, как всё здесь сияет и сверкает!

— Нет, это Цукатная роща, — сказал Щелкунчик. — Но поторапливайтесь, милая Мари, нас ждут в городе.

Тут из-за деревьев навстречу им вышел вдруг расфуфыренный парчовый человечек, поклонился Щелкунчику и молвил:

— Добро пожаловать, любезный принц, в столицу вашего королевства — прекрасный Марципанштадт!

«Принц!» — ахнула про себя Мари.

Но ещё больше поразила её, когда очутилась перед грандиозным замком. Он был похож на восхитительный торт с множеством воздушных, сделанных из сбитых сливок башен, с большим куполом главного зала, усеянным тысячами крохотных золотых и серебряных блёсток, с тяжёлыми, разлинованными на квадратные шоколадные дольки воротами и перекидным вафельным мостиком, под которым вдоль глубокого рва струились прохладные апельсиновые воды.

И тут Мари заметила, что в кровле одной из башен зияет безобразная дыра. Её быстро заделывали рифлёными вафельными листами крошечные человечки, забравшиеся на помост из пластинок корицы.

— Да, — покачал головой Щелкунчик, — недавно здесь появился известный в округе Сладкоежка и откусил часть Бисквитной башни. Но ничего, скоро её починят.

Тут распахнулись ворота, и Мари следом за молодым принцем Дроссельмейером ступила во двор замка. Они очутились на площади, посреди которой возвышался многослойный и многоэтажный пирог-фонтан. По кругу стояли на хвостах марципановые дельфины с блестящими изюмными глазками. Из открытых дельфиньих ртов с шипением били разноцветные лимонадные струи.

Оранжевая апельсиновая.

Желтая грушевая.

Алая гранатная.

Прозрачная яблочная.

Смешиваясь, кипели шипучие струи в обложенном валиками сбитых сливок бассейне. А вокруг плясали, пели и смеялись толпы крохотных мальчиков и девочек. Их весёлый гомон заглушал даже шум шипучих фонтанных струй.

В это мгновение зазвучала тихая, нежная музыка, словно позванивали тонкие ёлочные колокольчики. И появились забавные мальчики пажи. Их румяные, круглые лица, похожие на свежеиспечённые булочки, сияли приветливыми улыбками. В руках у них ярко горели алые факелы — гвоздики. Пажи окружили принца и Мари и, пританцовывая, повлекли их дальше.

Вдруг из-под стрельчатой, сахарной арки навстречу им бросились... куклы Трудхен и Клерхен! Нет, нет, Мари обозналась. Эти дамы в роскошных платьях, конечно же, прирождённые принцессы!

Они устремились к Щелкунчику и нежно защебетали:

— О, дорогой наш братец! Ах, милый принц!

А Щелкунчик взял за руку Мари и вывел её вперёд.

— Это несравненная мадемуазель Мари, — торжественно объявил он. — Моя спасительница. Не кинь она туфлю в самый разгар битвы, не добудь она мне вовремя саблю старого кирасира, загрыз бы меня мерзкий мышинный король.

Принцессы тут же кинулись к Мари и стали её обнимать и целовать. Мари зарделась, а принц Щелкунчик воскликнул:

— Взгляните, как она прекрасна! Ну разве может сравниться с несравненной мадемуазель

Мари по красоте, доброте и преданности Пирлипат, пусть она и настоящая принцесса!

И снова принялись обнимать Мари царственные сёстры Щелкунчика.

— Ах, благородная спасительница! О, несравненная, бесценная, бесподобная наша подружка Мари!

Они пригласили желанную гостью во дворец и немедленно принялись готовить угощение. Появились золотые кастрюльки и мисочки тончайшего китайского фарфора, серебряные тёрки и медные ступки, ножи, вилки, ложки. Воздух наполнился ароматами пряностей. Всхлипнули в крошечных давилнях диковинные плоды, прыская струйками сладких соков. Захрустел в ступках миндаль.

Мари тоже с удовольствием включилась в весёлую кухонную суету. Она старательно крошила тяжёлым пестиком скользкие карамельки. А Щелкунчик тем временем рассказывал о трудной и долгой битве с мышами, о храбрости солдатиков, о стойкости и преданности Мари, которая даже готова была пожертвовать своими сахарными подданными.

Мари слушала и слушала. Удары пестика, журчание фруктового сока, шелест шёлковых платьев принцесс, слова Щелкунчика постепенно сливались в чудную мелодию. Над плитой поднимались облака ароматного пара, и они серебряным туманом клубились перед глазами Мари, застилая и заслоняя начищенную до блеска кухонную утварь, горы диковинных плодов, да и самого Щелкунчика.

Голова Мари закружилась, словно её несло куда-то ввысь, всё выше и выше, выше и выше...

— О-ох! — Мари упала с невероятной высоты и... и проснулась в своей кровати.

В окна било солнце. Рядом стояла мама.

— Заспалась, голубушка, — мягко пожурила она. — Завтрак давно на столе.

Мари широко раскрыла глаза и с удивлением огляделась. Да, она действительно дома, в своей спальне. Наверное, там, в замке прекрасного принца Щелкунчика, она крепко уснула, убаюканная звуками его мелодичного голоса, и верные пажи принца осторожно перенесли её в собственный дом, уложили в постель и, никого не разбудив, вернулись в свой несравненный Марципанштадт.

Конечно же так и было! И Мари принялась рассказывать маме про лимонадный фонтан, марципановый замок, Розовое озеро, населённое феями, и Рождественскую рощу. Мама слушала, улыбалась и покачивала головой.

— Тебе, Мари, приснился чудный сон, — сказала она.

Но Мари прижала руки к груди и воскликнула:

— Мамочка! Какой же это сон, если меня привёл туда молодой принц Дроссельмейер, мой несравненный Щелкунчик?

Тут уж мама рассмеялась. Засмеялся и вошедший в спальню отец. Грубо захохотал вбежавший следом Фриц.

До слёз было обидно Мари.

Она вскочила с постели, бросилась в гостиную и раскрыла стеклянные дверцы шкафа. Там на средней полке стояла маленькая сафьяновая коробочка. Мари схватила её, раскрыла и вынула горсть крохотных золотых корон. Всё, что осталось от семиголового мышиного

короля.

Все домашние склонились над удивительными, тончайшей работы коронами. Казалось, их выковали не руки человеческие, а ловкие лапки малюсеньких существ. Всплеснула руками мама. Покачал головой отец. Молча свёл брови Фриц. Теперь уже никто не смеялся. Вдруг растворилась дверь, и в комнату вошёл крёстный Дроссельмейер. Он был по-прежнему в своём кургузом нелепом камзоле и пудреном парике.

— Что случилось? — спросил крёстный и тут увидел на ладони Мари крошечные коронки. — А, узнаю! — улыбнулся старый Дроссельмейер. — Эти коронки я носил на серебряной часовой цепочке вместо брелоков и подарил своей крестнице Мари, когда ей исполнилось ровно два года.

— Ну вот, — обрадовалась мама, — всё и разъяснилось. Но я не могу припомнить вашего подарка, господин Дроссельмейер. Впрочем, это не важно.

Но для Мари это было очень важно! Теперь ведь ей никто не поверит, хотя она никогда не сможет забыть чудесного путешествия в сладостную и сказочную страну принца Щелкунчика, юного Дроссельмейера, племянника её крёстного. И почему он всё скрывает? Зачем же тогда поведал им с Фрицем правдивую историю о крепком орехе Кракатук?

ИСПОЛНЕНИЕ МЕЧТЫ

С того дня Мари, боясь насмешек, уже никому не рассказывала о своём принце Щелкунчике. Вечерами она садилась на маленькую скамеечку у стеклянного шкафа, и к ней тут же возвращались звуки песенки о фее, порхающей над Розовым озером, терпкий аромат хвойных лап в Рождественской роще, шелест лимонадных струй фонтана в Марципановом замке, весёлый гомон человечков в городке Конфеттен.

Часто Мари пыталась заговорить со Щелкунчиком. Но тот упорно молчал. Наверное, обиделся на всех домашних, которые не верили ни в его доблестную победу над мышиным королём, ни в кукольное королевство, сказочнее которого и не бывает. Обиженно молчали и его сёстры принцессы Трудхен и Клерхен, притворяясь бессловесными куклами. Горько вздыхала Мари, но всё же не теряла надежды, что заколдованный уродец Щелкунчик превратится когда-нибудь снова в прекрасного юного принца Дроссельмейера. Уж она-то ни за что не прогонит его, как это сделала надменная Пирлипат!

— О, милый господин Дроссельмейер! — тихонько вздыхала Мари. — Как бы я хотела снова оказаться рядом с вами в чудесном замке!

Она задумалась, забылась и не сразу заметила вошедшего в комнату крёстного Дроссельмейера. Рядом с ним стоял ладный молодой человек в великолепном, шитом золотом алом кафтанчике и белых шёлковых чулках. Волосы его были завиты и напудрены, а на спину свисала крепко заплетённая косица. В петлице кафтанчика благоухал крохотный букетик фиалок.

— Познакомьтесь, — сказал крёстный Дроссельмейер, — это мой племянник.

Юноша вынул из петлицы букетик и с поклоном преподнёс его Мари. Кроме того, он подарил ей множество маленьких сахарных куколок взамен тех, что сгрыз мерзкий мышинный король. Мари зарделась.

Фрицу любезный молодой человек вручил посеребрённую саблю в кожаных ножнах.

Мама пригласила всех за стол. И тут юный племянник всех поразил, с лёгкостью разгрызая самые твёрдые орехи. Он щёлкал их один за другим, и скоро на столе высилась горка сочных ядрышек. А юноша положил на зуб очередной орех, напрягся, дёрнул себя за косицу и — крак! — скорлупа треснула. Он улыбнулся, показывая ровный ряд жемчужных зубов, и протянул ядрышко Мари. Теперь она и вовсе смутилась и стала совсем пунцовой.

Старый Дроссельмейер заметил, как покраснела Мари, улыбнулся и предложил ей пойти в гостиную вместе с гостем и развлечь его своими игрушками.

Стоило юному Дроссельмейеру остаться наедине с Мари, как он вдруг опустился на одно колено и торжественно произнёс:

— О, несравненная мадемуазель Мари! Узнаёте ли вы меня? Я тот, кому вы спасли жизнь, уродец Щелкунчик. Но стоило вам шепнуть, что не отвергли бы меня, как вероломная Пирлипат, и ко мне вернулся мой прежний облик. Теперь я не уродливый деревянный Щелкунчик, а принц сказочного королевства. Вот моя рука и вот моё сердце! Примите их, и мы вместе будем царствовать в моём удивительном и гостеприимном Марципановом замке.

И с этого мгновения Мари стала невестой сказочного принца. Прошло время, и он, говорят, увёз её в своей золочёной карете, запряжённой длинногривыми лошаdkами, которые громко цокали серебряными подковами по гладкой, словно леденцовой мостовой. На их свадьбе плясали и пели нарядные куклы, играли сахарные трубачи и пряничные барабанщики.